

«Линия границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства проходит... по течению реки Сан до ее истока». Из дополнительного протокола между Союзом ССР и Германией, подписанного В. Молотовым и Ф. Шуленбургом во исполнение статьи I Германно-Советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией. Город Москва, 4 октября 1939 года.

«Через реку мост. Он нейтральный, на одном его конце наш часовой, на другом — немецкий». Из рукописи пограничника, героя Великой Отечественной войны Ивана Кривоногова «Мои воспоминания о побеге из фашистского плена». Город Горький, 1958 год.

«По одну сторону моста стоял немецкий солдат, а по другую — красноармеец. Пропускали свободно и с одной, и с другой стороны». Из протокола допроса Самуила Шулимовича, 1912 года рождения, обвиняемого в незаконном переходе границы по мосту через реку Сан в городе Перемышле. Тюрьма города Львова, 18 июня 1940 года.

Линия границы между обоюдными государственными интересами Германии и СССР в Перемышле, 1939 год

«С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ПЕРЕХОДИЛИ ГРАНИЦУ?» (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

... 5 ноября 1939 года по мосту через реку Сан, разделяющую Перемышль на две части, пришел из Германии в СССР Самуил Шулимович, 27-летний портной из города Сосновца. О его существовании я узнал из материалов уголовного дела, где собраны разнообразные протоколы, обвинительное заключение и в самом конце, вместо приговора, — выписка из протокола ОСО — Особого совещания НКВД, отправившего беглеца на три года в исправительно-трудовой лагерь.

Следователь НКВД, допрашивавший Шулимовича в октябре 1940 года в львовской тюрьме, выяснял, почему тот решил перейти границу.

— 1 сентября 1939 года мы слышали слухи о войне. Мать попыталась запастись едой, но полки магазинов уже были пусты. А потом пришли немцы.

— Как относилась немецкая власть к местному населению?

— Вообще к населению немецкая власть относилась хорошо, за исключением евреев, которых избивали, а также публично расстреливали.

— С какой целью переходили границу?

— Хотел жить в СССР. Знал, что в Советском Союзе рабочий класс до рабочего относится хорошо. Не то что в Польше.

Уточню, тогда то была уже не Польша, а Генерал-губернаторство — административно-территориальное образование гитле-

ровской Германии с центром в Кракове. На его территории действовало законодательство Германии, ограничившее в правах большинство жителей, поскольку те не имели статуса граждан. У одной категории жителей Генерал-губернаторства прав и вовсе не было — это были евреи. К их числу относился каждый пятый житель родного города Шулимовича — Сосновец, название которого происходит от «соснового бора».

Начиная с 17 сентября 1939 года, когда Красная армия вступила на территорию восточной Польши, из польских городов и местечек ей навстречу потянулись евреи. В основном молодые люди. Предчувствуя грядущую беду, их толкали на восток старики, спасая будущее своего народа. Сколько человек добралось в СССР через пограничные реки Буг и Сан, по мостам и вброд — никому не известно, по оценкам исследователей — до 300 тысяч, более точных данных я не нашел. Поначалу новую советско-германскую границу можно было перейти без проблем, потом отношение к беглецам изменилось, многих прямо с границы отправляли в места не столь отдаленные. С октября 1939 года по май 1941 года на советско-германской границе было задержано больше ста тысяч человек.

К статье Уголовного кодекса, карающей за незаконное пересечение границы, прилагалось «примечание», согласно которому ее действие не распространялось на случаи перехода границы с целью использования предоставляемого Конституцией «права убежища для иностранцев, преследуемых за политическую деятельность или религиозные убеждения». Но на это примечание никто не обращал внимания, ведь евреев в Третьем рейхе преследовали не за то и не за другое. А всего лишь за этническую принадлежность.

Судьба беглецов была нелегкой, но в конечном счете многим из них удалось спастись от неминуемой гибели. В отличие от тех, кто остался. В СССР их ждала вторая жизнь, кого-то — лагерь, кого-то — депортация и ссылка, освобождение по амни-

стии 1941 года и, наконец, эмиграция в Польшу и далее в Израиль, где ныне живет немало потомков тех беженцев.

Невероятные судьбы. Особенно если учесть, как мало европейских евреев выжило в огне Холокоста. А тут целая группа выживших, среди которых были люди выдающиеся, включая будущего главу Государства Израиль Менахема Бегина. Еще назову Мечислава Вайнберга — одного из крупнейших советских композиторов XX века. Это имя известно не одним лишь ценителям серьезной музыки. Мои ровесники в большинстве своем хоть и прошли мимо его опер и симфоний, наверняка помнят наизусть песню из «Последнего дюйма». До сих пор по волнам нашей памяти «тяжелым басом гремит фугас, ударил фонтан огня, а Боб Кеннеди пустился в пляс, какое мне дело до всех до вас, а вам до меня». Как и сочиненный им же первый советский рэп, про Винни-Пуха.

Иные историки выдают прием еврейских беженцев из Польши в СССР за акт величайшей гуманности — мол, если Великобритания и США к этому времени приняли примерно по 50 тысяч евреев, то советская сторона приняла в несколько раз больше. Верно, приняла, да так, что чуть не задушила в объятиях. По большому счету судьба беглецов от нацизма была советскому руководству глубоко безразлична. «Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов», — это я цитирую опубликованное в эмигрантской прессе в октябре 1939 года предсмертное «Открытое письмо Сталину» Федора Раскольникова, видного большевика и крупного дипломата, под угрозой ареста ставшего невозвращенцем.

... Похожих уголовных дел — о незаконном пересечении границы — я прочитал их около ста, от корки до корки. Точнее, их копии, собранные в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне, сами дела пылятся в архивах Украины и Беларуси. С тех

пор как на постсоветском пространстве открылись архивы, сотрудник музея историк Вадим Альтцкан путешествует по столицам бывших советских республик и переснимает материалы, связанные с Холокостом. Благодаря ему в тамошней библиотеке можно найти копии нескольких тысяч рассмотренных советскими судами уголовных дел, на оригиналах которых проставлены грифы «Секретно» и «Хранить вечно»¹.

В том же музее есть отдел устной истории, и в нем — запись рассказа другой уроженки города Сосновец, Беллы Якубович. «Немцы захватили Сосновец 4 сентября; через две недели все еврейские мужчины города были интернированы. Моему отцу тогда было 39 лет. Он вернулся через неделю и не рассказывал, что там случилось, но после возвращения его каштановые волосы стали седыми». Все самое страшное было впереди, со временем сосновецких евреев отправили в Аушвиц. Белла попала в Берген-Бельзен, откуда ей посчастливилось выйти живой.

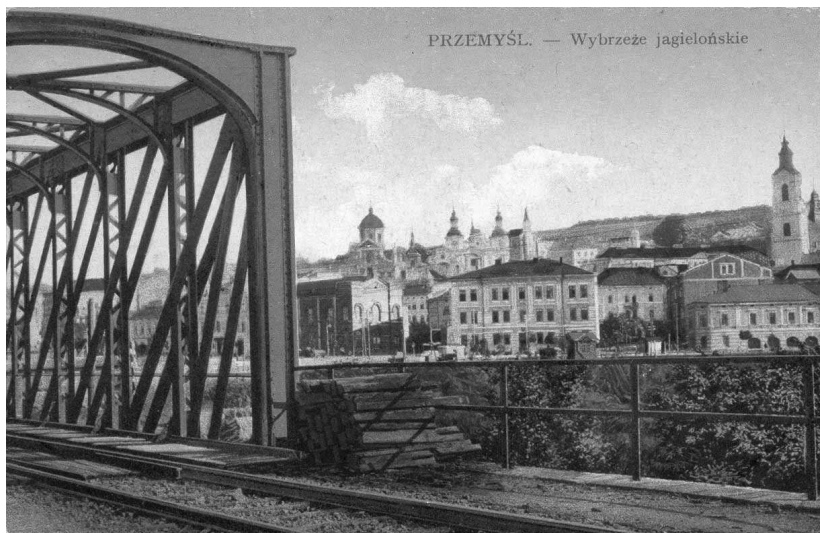
Но я не стал дальше вникать в леденящие душу подробности происшедшего в Сосновце. Меня больше интересовал другой город, тот, что упоминался в показаниях Шулимовича. Из головы никак не шла нарисованная в его показаниях картина — мост через разделяющую город реку, по одну сторону которого стоит гитлеровский солдат, по другую — красноармеец, а между ними люди, бредущие от смерти к жизни.

Название этого города сразу показалось мне смутно знакомым: Перемышль, Перемышль — ну да, была же песня, где он упоминается, народная песня. «Брала русская бригада Галицийские поля, и достались мне в награду два железных костыля. Из села мы трое вышли, трое первых на селе. И остались в Перемышле двое гнить в сырой земле...»

Песня времен Первой мировой войны, во время которой на полях Западной Галиции остались лежать больше миллиона

---

¹ United States Holocaust Memorial Museum. USHMM, RG-15.666.

Железнодорожный мост через реку Сан

русских солдат. Крепость в Перемышле русская армия штурмовала несколько месяцев и в итоге взяла, и на какое-то время польский город стал русским. Такого рода перемены уже случались в его долгой истории. Перемышль упоминается в «Повести временных лет» — летопись рассказывает о его захвате в X веке Владимиром Святославичем, «ходившим на ляхов». После монгольского нашествия город вошел в Польшу, потом, в конце XVIII столетия, в результате ее раздела, на полтора века стал частью империи Габсбургов. И наконец, с 1918 года — вновь в составе Польши, под именем Пшемысль.

Пропитанным кровью землям выпала передышка на два десятилетия. 1 сентября 1939 года на Польшу напали германские войска, а 7-го на Пшемысль обрушились первые бомбы. Из двух мостов, соединявших берега протекавшей через город реки Сан (притока Вислы), остался один — железнодорожный. Другой, автомобильно-пешеходный, — был взорван. Стало быть, Шулимович, как и другие беженцы, переходил реку по железнодо-

рожному мосту. Это самый известный мост через реку Сан, он был спроектирован самим Густавом Эйфелем (его единственная работа в Польше) и построен в 1891 году.

Немцы вошли в город в ночь на 15 сентября 1939 года. А 28 сентября 1939 года ушли, оставив за собой правобережную часть под названием Засанье. Левобережная, основная, была ими передана Советскому Союзу. Как так вышло?

Дело в том, что 17 сентября 1939 года начался «Освободительный поход Красной армии» — под этим именем вошло в советскую историографию вторжение в Польшу, в результате которого половина ее территории должна была отойти к СССР. Между двумя наступающими навстречу друг другу армиями, естественно, случались недоразумения. 19 сентября в пригороде Львова произошла перестрелка между солдатами советского разведывательного батальона и полка немецкой горной дивизии — обе стороны получили приказ своего командования взять Львов. Надо было как-то решать возникшую проблему, и в Москву в тот же день прибыла из Берлина военная делегация для ведения переговоров об установлении демаркационной линии между германской и советской армиями. Договорились, что она будет проходить по рекам Нарев, Буг, Висла и ее притоку реке Сан. Поскольку последняя разделяла Пшемысль на две части, предполагался отход немецких войск на запад по сравнению с занимаемыми позициями.

27 сентября 1939 года в Москву прибыл министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп. Он попросил у Сталина «сделать уступки в районе нефтеносных районов на юге в верхнем течении реки Сан». Риббентроп ссылаясь на то, что Польша была «полностью разбита немецкими вооруженными силами», намекая на то, что роль Красной армии в ее разгроме была не слишком велика. Но Сталин не согласился, сказав, что эта территория уже обещана украинцам, и его «рука никогда не шевельнется потребовать от украинцев такую жертву». Долгая

дискуссия вокруг Пшемысля также не привела к каким-либо результатам, и город остался разделенным на две части. Правда, в качестве компенсации Германии были предложены поставки до 500 тысяч тонн нефти в обмен на стальные трубы. Забегая вперед, скажу, поставки того и другого частично пошли по железнодорожному мосту, тому самому, в Пшемысле (Перемышле).

Когда германская сторона сообщила, что этот вариант решения территориального вопроса получил одобрение Гитлера, был подготовлен Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Подписан он был поздним вечером следующего дня, когда гитлеровские войска заняли Варшаву. Так Польша разделилась на две части — германскую и советскую, и Пшемысль — тоже. Восточная его часть (Старый город) стала Перемышлем и вошла в состав Украинской ССР, а западная, переименованная в Премзель, стала частью Генерал-губернаторства. На следующий день после заключения Договора о дружбе и границе, 28 сентября 1939 года, немцы покинули правобережную часть города.

Обо всем этом мало кому известно. Только недавно возник интерес к этой пропущенной странице истории, во многом благодаря израильскому историку Зееву Левину, тесть которого — сын одного из тех беженцев, Вольф (Юлиан) Фессель, ныне житель Иерусалима. Его отец Исаак был одним из пяти братьев из польского города Кросно, которые в октябре 1939 года через реку Сан перебрались в СССР. Трое выжили, двое — растворились на просторах огромной страны. Я читал все пять уголовных дел, по одному на каждого из братьев, еще что-то удалось выяснить в результате расспросов Вольфа в декабре 2021 года.

Помимо рассказа о пяти братьях, читателя ждут и другие поразительные истории, так или иначе связанные с Перемышлем и рекой Сан. А между собой они не связаны, так что эту книгу не обязательно читать с самого начала. Эти истории, собственно, и побудили меня к ее написанию, особенно две из них. Нет,

на этот раз не о евреях — о русском Иване Кривоногове и немце Альберте Баттеле.

... Сталин, похоже, до самого нападения Гитлера на СССР надеялся на то, что оно не состоится, а если и состоится, то еще не скоро. 13 апреля 1941 года во время проводов на вокзале в Москве министра иностранных дел Японии Мацуоки корреспондент немецкой газеты оказался свидетелем разговора вожда с германским военным атташе. Сталин спросил его: «Вы немец?» Атташе ответил: «Да». И услышал от Сталина немыслимое: «Мы будем дружить».

Спустя чуть больше двух месяцев, 22 июня 1941 года, в три часа ночи по железнодорожному мосту через реку Сан с советской на немецкую сторону отправился товарный состав с топливом и строевым лесом. Обратного должен был прийти поезд с углем, но его почему-то все не было. Дежурный комендант позвонил немцам, ему ответили — прибудет утром. Через полчаса немецкие орудия открыли огонь по правобережной части Перемышля. После артподготовки к мосту бросились две роты для его захвата. Оборонявшие мост пограничники сразу открыли по ним огонь. Им удалось отбить восемь атак, потом к ним на помощь пришли солдаты дивизии войск НКВД по охране железнодорожных объектов. Но перевес был на стороне немцев, и в два часа дня город был оставлен нашими войсками.

На следующий день случилось уникальное для второго дня войны событие — сводный батальон пограничников, красноармейцев 99-й стрелковой дивизии и ополченцев под командованием старшего лейтенанта погранвойск Григория Поливоды отбил город. Немцы были выбиты оттуда и отброшены за Сан. Стало быть, Перемышль стал первым советским городом, отбитым у немцев. Больше того, боевые действия были перенесены на территорию Германии. Удалось захватить, правда, ненадолго, немецкую часть города — Премзель на западном берегу реки Сан.

«Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем», — говорилось в сообщении Совинформбюро 24 июня, в день, на протяжении которого город трижды переходил из рук в руки. 26 июня Григорий Поливода, назначенный военным комендантом Перемышля, провел церемонию похорон павших советских бойцов на рыночной площади Старого города. 27 июня пришлось отступить — возникла угроза окружения, немцы прорвали нашу оборону и севернее и южнее. Но еще до 30 июня, вплоть до гибели всех, сражался маленький гарнизон младшего лейтенанта Чаплина из своего дота (долговременная огневая точка), оставшиеся от которого капонир и полукапонир до сих пор стоят на берегу Сана.

Из железобетонных дотов состояла знаменитая линия Молотова, которую стали возводить на новой советской границе в 1940 году. В СССР ее, правда, так не называли (только в заграничной прессе). Узлы ее обороны немцы смогли обойти в первые же дни войны. Но были исключения. По свидетельству маршала Георгия Жукова, «в наибольшей боевой готовности в июне 1941 года находились Рава-Русский и Перемышльский районы, которые в первые дни войны сыграли весьма положительную роль».

До 3 июля продержался состоявший из 15 человек гарнизон дота близ расположенного недалеко от Перемышля города Санок. Через этот город, своим названием обязанный все той же реке Сан, проезжал на фронт brave солдат Швейк, в наши дни ему поставили памятник. Там, а не в Перемышле, который куда чаще упоминается в романе Ярослава Гашека. Но если кто из реальных исторических персонажей, связанных с городом, и достоин монумента, то это лейтенант погранвойск Иван Кривоногов (1916—1988), назначенный туда за несколько дней до начала войны. Целых 12 дней его солдаты отбивали атаки немцев, не выходя из дота. 3 июля 1941 года гитлеровцы блокировали его и подорвали, Кривоногова контузило, и все же ему и еще